ЛИНИЯ ФРОНТА НА АНГАРЕ

Из воспоминаний Клавдии Поликарповны Брюхановой-Орловой

Да, были трудные военные годы. Отец, братья, друзья ушли на фронт. Мама очень болела, она четыре года лежала в больнице, а в семье еще было два младших брата. Мне тоже хотелось помогать фронту, и меня зачислили на рыбзавод.

Мы не считались ни с какими трудностями, всему учились. Сами готовили рыболовные снасти. Бывало так, что день работаем - ночь ремонтируем невод, а он 350 метров. Приходили утром в 7 часов, а уходили ночью в 12 часов, а то и в 2 часа, несмотря на мороз и ветер. Был такой приказ: пока не вытащим невод из-подо льда и не приберем рыбу, не уходить с тони.

Мы глубоко благодарны тем, кто нас поддерживал в трудные минуты шутками и убеждал в том, что мы как на фронте: одни бьют врага, а мы им помогаем своим трудом, не жалея сил и здоровья.

Зимой мы рыбачили неводом, весной плавали по плавням, а когда начиналось судоходство, шли на Чуну рыбачить красную рыбу. По 30 лодок ходили груженных по 500 кг. Где не было возможности плыть, приходилось идти по берегу. По Тасеевой шли 80 км, а по Чуне 50-80 км. Когда были большие пороги, приходилось идти пешком; один мужчина оставался на корме, а 2-3 девушки тянули бичевой лодки, их поднимали и опускали одни девчата, в то время нам ничего не было страшно. Одна была мечта - скорее разбили бы наши врага и вернулись домой. Мы считали, что мы, комсомолки, должны всегда быть смелыми, стойкими и всегда впереди.

Бывало, что в пороге «Дурак» (сейчас «Бурный») лодки переворачивались, но мы не паниковали, а плыли спасать, хотя тоже рисковали жизнью. Никогда никто не утонул - кроме груза, который не выплывает. Когда рыбачили на Чуне (Бирюса), то якоря делали тяжёлыми. Вода там прибывает быстро, за 3 часа на 2-3 метра. У нас не хватало сил вытащить якорь, тогда мы соединяли две лодки, нас становилось 4 человека и вместе вытягивали якоря.

Бывало, Ангара вставала вечером, и уже на следующий день после обеда выделяли смелых идти за почтой, которую сбрасывали с самолета на остров Осиновый. Мы шли человек пять с нартами, а где гнется лед - по-пластунски, за собой на веревке тащили почту на нартах, а на берегу все старые и малые смотрят на нас. О нас говорили: «Вы бесстрашные, в огне не сгорите, в воде не утонете».

Когда мы рыбачили зимой, ходили по 8-10 км в одну сторону и обратно пешком, даже в мороз 45-50 градусов, а раньше они чаще были. У нас было два звена по восемь человек. Одно звено один день долбило, другое тянуло невод до выборочной ярдани (лунка, куда вытягивают невод). А в ярдань уже тянули все: с одной стороны бережное крыло, с другой речное, а мат- ню (где находится рыба) вытягивали, подводя один конец - крыло невода, чтобы рыбу не выпустить.

Помню, в 1943 году 10 ноября напротив п. Бельска поймали полную матню рыбы, 11 тонн. Мы до 4-х часов утра вычерпывали рыбу. Лед был тонкий, гнулся, и мы рыбу отгребали все дальше и дальше. Позвонили из Бельска, к нам приехал Алексей Михайлович Морозов, привез еду, и 16 лошадей пригнали за рыбой. Был сильный мороз и ветер. Когда пошли в Мотыгино, ноги стали замерзать. Дорога переметена, мы сбивались, падали, Зина П. заболела так, что идти не могла, пришлось её тащить на себе километра четыре. Все ушли вперед. Зина просила меня оставить её, но я сказала, что если замерзнем, то вместе. Первых встретили на лошадях и вывезли, а потом за нами приехали, мы не дошли три километра. Зину сразу отправили в больницу, а я отказалась, и меня привезли на рыбзавод. У печки-железки валенки оттаяли, их стягивали с меня втроем. Портянки примерзли, ноги побелели; оттерли спиртом, но пятки были черные, я смазывала гусиным салом, бинтовала и ходила на работу, пропустив только один день. А у Зины отняли два пальца на ноге. Нас в этот день 7 человек обморозилось.

Искусству ловить рыбу я научилась у Потапова Василия Семеновича. Он мне иногда доверял ездить вместо себя, я сама корила (проводила жердь подо льдом с клечем (веревкой, за которую тянут сеть). Алексей Михайлович ему говорил, что козочка все сумеет (он так меня называл за то, что всех быстрее бегала).

В 1944 году в конце октября меня отправили в Кежму обучать рыбаков. Я боялась, что не справлюсь, а Алексей Михайлович настаивал, говоря, что он во мне уверен. В Кежме не выполняли годовой план, и меня послали на прорыв. Первые дни было трудно работать. Долбить лед женщины умели все, только никто не знал, как набирать невод и как его метать. Женщины работали дружно, быстро освоили все процессы рыбалки. Мы справились, годовой план выполнили.

На работе был интерес: за неё давали деньги и купоны, на которые получали муку, крупу, сахар, масло, чай, табак. Рыбы добывали много, зарабатывали хорошо, стали хлеба есть досыта, В разведку ходили в мороз все. Было так: 8 человек долбят 8 ярданок (лунок), а 8 лежат, закрывшись с головой, смотрят в эти лунки; а на льду лежать в мороз не очень угарно. Если кто увидит рыбу, поднимает одну ногу, а если много рыбы, то обе; тогда и перестают долбить. Назавтра на этом месте начинали рыбачить.

За 1945 год план выполнили к апрелю. В марте и апреле иногда по две тонны в день добывали. Особенно старались в субботу, чтобы в воскресенье отдохнуть, чтобы все дела семьи сделать. Помню, когда приехал зам. бригадира, то спрашивал у начальника: как наш молодой бригадир? Председатель ответил, что ошибся он вначале, сказав, что ничего у нее не получится: «А теперь мне

за нее мужика не надо, - говорит. - Мы ее домой не отпустим». Когда меня провожали, даже многие заплакали, не хотели расставаться.

9 мая - День Победы - я встречала в д. Селенгино. Меня туда отправили уполномоченным по рыбалке. Ангара просела, и там колхоз тоже не выполнял план, а частники не сдавали рыбу. Я провела общее собрание и сказала, что хоть мы и победили, но у нас разруха, и надо по-прежнему работать с полной отдачей.

В июне 1945 года меня отозвали в Мотыгино, хотя начальник не хотел меня отпускать. В 1945-1946 гг. я рыбачила в Кан- доках и в Кулаково с колхозными бригадами. В 1947 г. меня перевели в коптилку.

Нас, комсомолок, на рыбалке было 20 человек, и инвалиды, которые не дорыбачили до конца войны. Очень жаль, что нет уже в живых нашего любимого директора Морозова А. М. Он когда приезжал из Москвы, нас всех навещай. Он говорил: «Где бы я ни был, я всегда вспоминаю рыбачек, они также потеряли здоровье, как и фронтовики, так как работали с полной отдачей сил...».

По материалам Мотыгинского краеведческого музея

(АП)

На снимке: скульптурная композиция на территории Сургутского рыбокомбината. Рыбак и рыбачка венчают и величают трудовой и славный подвиг рыбаков в годы Великой Отечественной войны.